

Ркаилу Зайдулле – 60

Аксакалы татарской литературы в своё время возлагали большие надежды на молодого поэта Ркаила Зайдулла. И не ошиблись. Молодой литератор вырос в крупного поэта, прозаика, драматурга, публициста, общественно-политического деятеля. Сегодня он – председатель Союза писателей Татарстана, активный член Татарского центра Международного ПЕН-клуба, лауреат Государственной премии РТ им. Г. Тукая. В этом году ему исполнилось 60. Поздравляем Ркаила Рафаиловича с юбилеем и публикуем один из его ранних рассказов

85

рассказ

*Ркаил
Зайдулла*

Женщина с дурным глазом, или Месть через любовь

ТЕ, КТО видел новую лошадь Шакура-абзый, целых три дня не могли прийти в себя от изумления. От коня глаз нельзя было отвести. При беге гибкое туловище его грациозно вытягивалось, копыта летели, едва дотрагиваясь до земли. Мы, желторотые мальчишки, заворожённо смотрели на это чудо природы, ощущая в себе непонятное, неизведанное ещё чувство прекрасного, возвышенного. Кажется, даже кровь в наших жилах текла быстрее и горячее

при взгляде на коня. И кличка у него была редкая, живописная, напоминающая старинные бабушкины сказки, в которых прекрасные пери перемежались со страшными семиголовыми драконами. Когда Шакур-абзый ласково обращался к своему новому четвероногому другу, в груди нашей что-то теплело. А звали коня – Фархадом.

Пацанами мы постоянно шныряли около дома и двора Шакура-абзый. К конюшне мы, понятное дело, даже

приблизиться боялись. И было чего бояться. Как только к конюшне приближался чужой человек, Фархад раздувал ноздри, бил копытом и тонко ржал... И лишь завидев хозяина, он с удовольствием протягивал ему свою шею и, закрыв глаза, ждал, пока его почешет ласковая рука сурового мужчины. Шакур-абзый кормил его сахаром, гладил по морде, по холке, шептал ему нежные слова. Впрочем, это и не удивительно, ведь Шакур-абзый – всё равно что Бог для лошадей. Ну не Бог, так добрый дух. Даже полудикие, горячие нравом необъезженные жеребцы тут же смиренно затаихали, стоило только протянуть к ним руку этому невысокому, широколицему крепышу с жиденькой бородкой. Не зря в народе говорили, что в Шакура «беслошадный вселился».

Его сын Сабир был под стать отцу – жить не мог без лошадей. Благородные животные также отвечали ему взаимностью. Увидев на пастбище дочерна за-

горелое лицо Сабира, кони с радостью подымали хвосты и галопом мчались к своему любимцу. Вечерами Сабир водил отцовских лошадей на водопой и купание, любовно мыл каждую лошадь. К реке и от реки он мчался даже не верхом, а стоя на спине лошади, гарцуя, как циркач, всем видом как бы говоря: «Смотрите, вот я, сын знаменитого коневода Шакура, будущий знаменитый коневод Сабир!» Хотя от их двора до реки вела прямая дорога, Сабир гнал лошадей обходным путём, мимо Лапотной горы через верхнюю часть села. Причиной тому была не столько бравада джигитовки, сколько одна женщина, жившая на краю села, но только в нижней части, вросшей в землю избушке. Никто не видел, чтобы она куда-нибудь выходила из дому или как заходила домой. Впрочем, возможно, просто не замечали или не хотели замечать. По пути на речку мы наблюдали иногда в окне избушки очертания лица этой странной женщины. Сельчане старались обходить стороной этот домишко, ибо в ауле бытовало поверье, что у хозяйки этой избы дурной глаз, причём дурной как бы наоборот. Считалось, что человек или скотина, которыми она восхитится, то есть посмотрит на них с радостью, непременно попадут в какую-то беду: заболеют, а то и вовсе помрут, если им не поможет опытная ворожея. Поэтому и мы, пацаны, старались бегом пробегать мимо этой заколдованной избушки с подслеповатым оконцем. Только пятки сверкали!

И лишь мой друг Хайруш не верил этим слухам, смеялся над «бабушкиными фантазиями». Спрашиваю: «Почему же взрослые опасаются близко подойти к этому дому?» – «А что им в этой стороне делать? – отвечает друг. – Ведь они не бегают к реке купаться или загорать». Действительно, домик местной колдуньи стоял на отшибе, и сельчане могли месяцами не появляться здесь.

«Может, в этом доме вообще никто не живёт? – предположил Хайруш, – может, там черти поселились? Слушай, айда сходим туда ночью, проверим».

Ага, нашёл дурака!

Однажды Сабиру вздумалось погнать Фархада на купание мимо дома «колдуньи», через нижнюю часть села. Видно, так уж суждено ему было...

Недавно мы слонялись возле двора Шакура-абзый. На скамейке в саду он вёл чинный разговор с соседями. Сам только что вышел из бани, распаренный, красный, как варёный рак, довольный, свежий. Махровое полотенце ещё висело у него на плече, рубашка распахнута, седые волосы густо серебрились на груди. Он был вполне счастлив – в конюшне тонко ржал сытый Фархад, и Шакур-абзый тихо вторил ему довольным смешком. В воздухе плыл головокружительный аромат яблок.

Разговор, естественно, вился вокруг Фархада.

– К следующему Сабантую будет готов, – высказал предположение дядя Сафар и потёр рукой лоб, чтобы скрыть завистливый взгляд в сторону конюшни. – Животное благородное, не наших краёв, иноземных кровей. Издалека видно...

В селе поговаривали, что Шакур увёл этого жеребца у Шайми-бая, живущего где-то под Казанью... А тому баю, говорят, этого жеребца подарил сам «султан туркменский». А что? Очень даже может

быть. Знающие люди говорят, что жеребец этот – ахалтекинской породы.

Дядя Сафар и сам нет-нет да и пригоняет откуда-то весьма неплохих лошадей, отличает их с закрытыми глазами. Слово коневода Сафара стоит дорого. Поэтому Шакур лишь довольно посмеивается над словами уважаемого Сафара-ага.

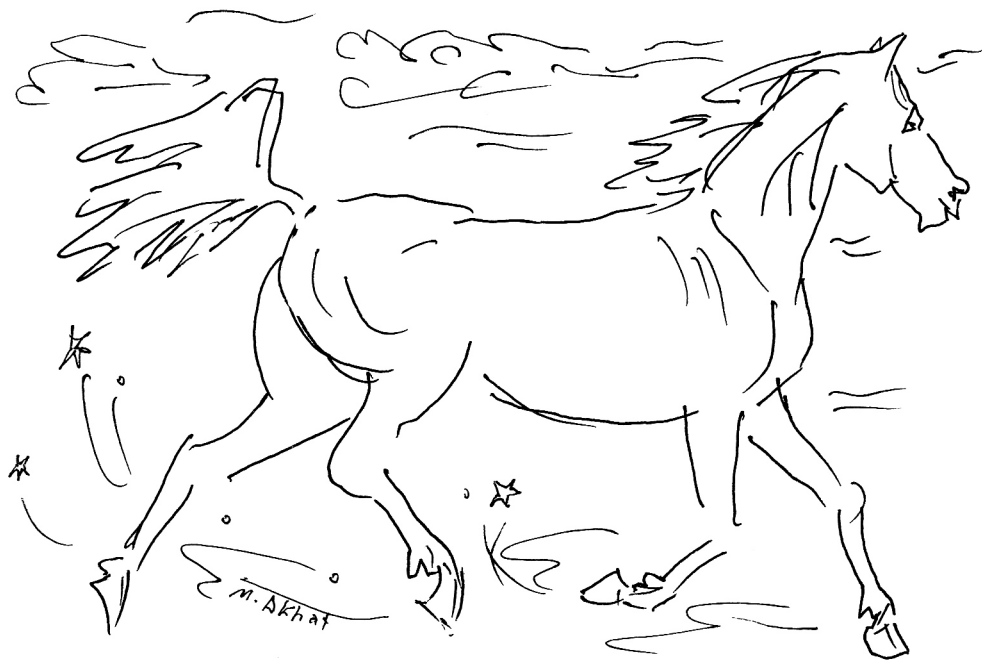
К разговору подключается Шешам-абзый.

– Как, говоришь, его кличут, Шакуретдин?

Шешам был стар, тощ, жёлт, вдобавок у него тряслись руки. Говорят, в молодости он украл коня где-то в России, его увидели, долго за ним гнались. Шешам сумел переправиться через весеннее половодье, спасся, но с тех пор руки у него трясутся.

– Фархад! – торжественно объявляет (в который раз!) Шакур.

– Не к добру давать человеческое имя животному, – покачал головой Шешам и, пряча дрожащие руки, побрёл к своему домишке. – Ох, не к добру...

– Ха, старый хрыч, – беззаботно заметил ему вслед Шакур. – От тебя путного слова не жди.

Но Шешам оказался прав. Пророчество его вскоре подтвердилось. Неправ оказался именно Шакур, каким бы умным он ни казался.

Однажды Сабир, как уже было сказано, решил погнать Фархада на купание через нижнюю часть села. Он стоял босыми ногами на спине ахалтекинца, ловко гарцуя и весело посвистывая. Мы побежали следом – так притягивало нас зрелище купающегося чудо-коня. Ахалтекинец!

Хайруш вдруг потянул меня за край рубахи. Оказывается, мы бежали мимо дома «колдуны». Занавеска на окне, кажется, дёрнулась.

– Ах! По-моему, она увидела Фархада! – сокрушённо взмахнул рукой приятель.

В то время я не обратил внимания на его слова. А если бы и обратил – что изменилось бы?

Река светилась тёплым закатом. В малиновой воде купался Фархад, и его тонкое ржание изумительной мелодией разливалось по округе. Сабир что-то говорил своему питомцу, и конь согласно кивал узкой изящной мордой.

...А наутро весь аул облетела злая весть: Фархад заболел!

Услышав эту весть, мы прибежали к подворью Шакура- абзый. Там уже собралось немало народу. Тихо, будто ждали выноса мёртвого тела. С трудом протиснулись мы поближе к ахалтекинцу: глаза его уже закатывались, из-под губ выступила пена, розовая, как закат.

– Не иначе, как та ведьма сглазила, – пробурчал Шешам-абзый.

– Гнать её нужно из села, – сказал кто-то.

И только Шакур-абзый молчал. Вместе с несколькими мужиками он погрузил мёртвого Фархада на арбу и поехал на скотомогильник. Гордость села, всей округи, всего района – благородного ахалтекинца – тянула в последний скорбный путь обыкновенная деревенская кляча.

Мы улеглись на траве, в тенёчке под забором.

– Шакур-абзый не даст спуска этой ведьме, – заверил Хайруш, облизывая

потрескавшиеся губы. – Вот увидите: он накажет её.

Сабира не было видно ни во дворе, ни на улице. На другой день возле их дома остановился тарантас, из которого вышел очкастый бородатый человек с портфелем.

– Саквояж... Доктор, – прошептал Хайруш.

Слова-то какие знает. Понятно: сынок учителя.

– Здравствуйте, Антон Павлович, – приветствовал человека Шакур-абзый и даже поклонился.

Да-а... Шакур далеко не перед каждым склоняет свою гордую голову.

«Доктор приехал осмотреть Сабира», – вдруг подумали мы. Ведь родные боялись, как бы подросток не сошёл с ума от горя. Говорили, что он лежит целыми днями неподвижный, глядя в потолок, ничего не ест, не пьёт. Считает, наверное, себя виноватым в гибели Фархада. Спрашивается, какая нечистая понесла его в тот день через нижнюю часть села? «Чёрт попутал», – сделал вывод Хайруш.

Оказывается, Шакур вызвал весьма известного доктора. Как бы то ни было, а через несколько дней похудевший, осунувшийся Сабир вновь появился на улице. Правда, с нами уже не здоровался, взгляд его был опущен, потерян.

– Что-то он задумал, ребята, – многозначительно сказал Хайруш, и от его слов у меня словно мороз по коже прошёл.

Да, по всему видно, назревали события. К вечеру, когда уже смеркалось, Шакур-абзый сунул что-то под мышку и направился в нижнюю часть села. Мы с Хайрушем переглянулись, не зная, что сказать, хотя и поняли, что он отправился к «ведьме». Что же он нёс под мышкой?

Тихонько пошли мы вслед за Шакуром-абзый. Дверь избушки скрипнула, и бывший владелец ахалтекинца нырнул в логово сатаны.

– Пошли к окну, – потянул меня Хайруш.

– Ой! – испугался я и задрожал, как руки старого конокрада Шешама.

– Да ты трус! – Хайруш презрительно отвернулся и пошёл к окну.

Ну трус... И что?.. Забоишься тут...

Если эта ведьмовка почует... Если взглянет... Всё-таки перед другом не хотелось позориться, и я, собрав остатки смелости, шагнул к окну. Кроме того, ужасно хотелось знать, что делает в этой конуре Шакур-абзый. Так хотелось – терпения нет!

Я тоже прильнул к окну. Они сидели за столом, друг напротив друга. Доносились голоса. Впрочем, кажется, говорил один Шакур-абзый.

– Сколько лет уже я не могу забыть тебя.

Он развернул принесённый свёрток. Показался отрезок красной шёлковой ткани. – Вот... Принёс... Красное, как наша молодость...

В ответ ни слова.

– Сколько лет уже снится мне по ночам твоя стройная фигура, – продолжал гость. – Ты сама не знаешь, насколько ты красива. Никого нет в селе красивее тебя. Брови будто пером писаны, глаза словно звёзды на небе, губы спелые, как ягоды. Посмотри на себя в зеркало, и ты поверишь моим словам.

Она обернулась и посмотрела на засиженное мухами треснутое зеркало. Он продолжал:

– Скрываешь от людей свою красоту. Ни слова в ответ.

Шакур встал и направился к двери. На пороге обернулся и сказал, как застонал:

– Я тебя никогда не забуду.

Махнул рукой и вышел. Как только Шакур вышел, она подошла к зеркалу, примерила на себе ткань, причесала волосы. Мы не дыша следили за ней.

Женщина вдруг громко засмеялась. В её смехе чувствовалось какое-то торжество, даже толика злорадства. На нас словно холодом повеяло. Не помня себя, кинулись мы бежать.

Немного отдышавшись, я удивился:

– Неужели Шакур-абзый любит эту ведьму?

Хайруш шмыгнул носом:

– Здесь явно что-то неладно. Шакур запросто так даже кучку соломы не поворошит.

Причём здесь солома? И где здесь неладно? Мы же собственными глазами видели, как Шакур-абзый объяснялся ей в любви. Ну да, и слышали всё. Конечно...

На другой день мы только и думали об этом. Шакур-абзый открылся перед нами с совершенно неожиданной стороны. Сказать кому, не поверит.

– Здесь какая-то тайна, – заявил Хайруш, привыкший думать основательно.

С наступлением темноты, как было договорено, мы снова пошли в нижнюю часть села. История шакуровской любви затмила даже трагическую гибель прекрасного ахалтекинца. Ладно – мы. Но как мог Шакур-абзый так быстро забыть смерть своего любимого скакуна? Тем более, что говорят, будто эта зазноба-ведьмовка и погубила скакуна. Мы снова прильнули к подслеповатому оконцу отверженной избушки.

Женщина... Она стояла перед зеркалом и что-то напевала вполголоса. На ней струилось алым цветом роскошное шёлковое платье.

И тут что-то случилось – лицо женщины исказилось какой-то мукой, руки безвольно повисли, и она упала на пол в конвульсиях. Потом затихла. Из рта выступила кровь, будто кусочек ярко-красного шёлка.

От страха мы онемели, а опомнившись, побежали к мулле Аптерахману.

На другой день несколько стариков понесли умершую женщину на кладбище. Среди провожающих Шакура-абзый не было...